

НА СТЫКЕ ДРЕВНИХ МИР-СИСТЕМ: ПРОЛЕГОМЕНЫ*

В статье рассматривается соотношение таких понятий, как мир-система и цивилизация, каждая из которых живет самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве. Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой. Существование мир-системы обусловлено преимущественно социально-экономическими факторами. Между мир-системами существуют линии разлома, на которых происходят конфликты и столкновения. В то же время, на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали группы людей или целые этносы, обеспечивающие посредническую, медиационную роль между мир-экономиками и мир-империями. Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гиперсистемы – мир-империи, среди которых выделяются самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный типы. Милитаристско-паразитирующие империи могут быть стационарными и кочевыми. Кочевые или бивуачные империи – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще несколько стационарных империй, как правило, тоже милитаристско-паразитирующих.

Ключевые слова: мир-система, цивилизация, стереопарная конструкция, разлом, фронтир, контактная зона, трансляционный узел, мир-империя, империя-армия.

Соотношение мир-системы и цивилизации

Приступая к рассмотрению заявленной темы, хотелось бы в общих чертах оговорить несколько исходных концептов. За последние два столетия историческая наука развивалась преимущественно в двух плоскостях – эволюционной и цивилизационной. В основе эволюционного восприятия исторического процесса лежит прогрессистская идея линейного поступательного исторического времени. Цивилизационная картина мира зиждется на циклическом восприятии исторического времени. Эволюционисты рассматривают мировую историю как континуальное, унитарно-стадиальное, поэтапное продвижение стран и народов в строго определенном направлении, по единому сценарию и практически всегда в фарватере Западной Европы. В отличие от них, сторонники цивилизационного подхода рассматривают цивилизации как основные единицы бытия, замкнутые на себе хронотопные монады, имеющие уникальный облик и неповторимую судьбу. Единственное, что объединяет все эти монады – дискретность, ограниченность во времени и пространстве и строго чередующиеся ментальные циклы. За последние полстолетия цивилизационная теория не претерпела суще-

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российско-Армянского (Славянского) Университета в рамках проекта «Развития РАУ».

ственных изменений, все попытки современных политологов ее модернизировать создавали лишь дополнительные «шумы» и «имитационные искажения», из чего можно сделать вывод о том, что теория Тойнби и в наши дни не потеряла своей феноменологической значимости, универсальности и методологической продуктивности.

По Тойнби, основополагающим в цивилизациях является культурно-религиозное и ментальное начало¹ и удаленность от того места, где данное общество первоначально возникло². Основными он считал двадцать одну локальную цивилизацию, добавляя к ним четыре «задержанные» цивилизации, которые «в отличие от примитивных обществ дают истинные примеры “народов, у которых нет истории”. Они оказались в этом состоянии, желая продолжить движение, но вынужденные пребывать в своем незавидном положении из-за того, что всякая попытка изменить ситуацию означает гибель. В конце концов, они гибнут либо потому, что отважились все-таки двинуться, либо потому, что окоченели, застыв в неудобной позе». Однако один тип цивилизаций, который Тойнби обходит своим вниманием – это так называемые субстантивные цивилизации. Некоторые исследователи их также называют субцивилизациями³. Как правило, эти общества проходят долгий исторический путь и достигают высокого уровня развития, оставляя после себя яркий след, однако им редко удается выйти за региональные или даже национальные рамки. Как и основные цивилизации, они относятся к так называемому третьему поколению цивилизаций, рождаются на основе церквей из вторичных цивилизаций. Типичным примером локальной цивилизации являются сирийская⁴, иудейская, армянская, эфиопская и др.⁵ Основные же цивилизации имеют универсальное значение и косвенно влияют (особенно религиозно и ментально) на другие. Характерными, но не единственными примерами основных цивилизаций, согласно нашему обозначению, являются эллинская олимпийская, византийская ортодоксальная, арабская мусульманская, индуистская, конфуцианская, средиземноморско-католическая, протестантская североевропейская и североамериканская цивилизации, русская православная и пр. В то же время цивилизационный подход подразумевает отсутствие единого исторического процесса.

¹ Тойнби 2001. С. 156. «Разбивая историю на отдельные, локальные цивилизации, Тойнби вместе с тем пытается восстановить идею единства мировой истории, придавая этому единству религиозный смысл. Через отдельные цивилизации история ведет от примитивных обществ к цивилизациям, порождающим высшие религии и приобщенного к ним человека, способного остро ощущать существование иного, небесного мира» (Ивин 2000. С. 20).

² Тойнби 2001. С. 156.

³ Флиер 1993.

⁴ Муравьев 2013; 2016.

⁵ Тойнби 2001. С. 188-216.

Что касается эволюционного подхода к истории, то, благодаря Ф. Броделю и его последователям из «новых левых» (А. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин, Э. Вульф и др.), за последние 75 лет, он претерпел значительные изменения, не без влияния идей Тойнби. Мы считаем наиболее продуктивным номотетическим подходом макросоциологический мир-системный анализ исторической динамики⁶. Характерная черта мир-системного подхода – стадийное макроэволюционное⁷ восприятие исторического времени и экономического детерминизм.

Любопытно, что в сознании большинства историков понятие мир-система, напрямую увязывается с макросоциологией и политэкономией, цивилизации же приписывается идеологическая подоснова. Оба эти подхода – цивилизационный, циклический и эволюционный, макросоциологический, традиционно считаются гетерогенными и взаимоисключающими. И все же в последнее время (правда, не в очень

⁶ Маргарян 2016. С. 173-194.

⁷ Валлерстайн называл такой подход *девелопменталистской перспективой*, объединяя под этим термином как его марксистскую, так и либеральную версии. Подобно Броделю и Франку, Валлерстайн рьяно отрекся от понятия развития и идеи прогресса [Wallerstein 1991]. Но линейно-стадийный эволюционизм имплицитно присутствует в работах Броделя и Валлерстайна. Так, в «Материализм цивилизации, экономике и капитализме» Бродель пишет: «Каждый мир-экономика существовал очень долгое время, **он эволюционировал, он трансформировался** (выделено нами. – Е.М.) на той же территории по отношению к самому себе, и разные его “возрасты”, его сменявшие друг друга состояния тоже предполагают возможность сопоставления» [Бродель, 2006. С. 26.4]. То же можно сказать о Валлерстайне, который делит мировую историю на этапы, каждый из которых на порядок выше и сложнее предыдущего. Такой подход к мировой истории он называет *мир-системной перспективой*, считая ее более осмысленной и реалистичной [Wallerstein 1979. P. 153-155; 1975. P. 15-16]. Наивысшей стадией развития Валлерстайн считал мир-систему. «Я, как и Шумпетер, – признает он, – верю, что мы живем на ранних стадиях перехода от капитализма к социализму, который происходит “у нас на глазах”. Одна из причин, почему нам интересно анализировать “переход от феодализма к капитализму”, – это помогает нам понять, как реализуются такие сравнительно редкие преобразования. Имея это в виду, важно подчеркнуть, что подобные переходы переживают не “общества в национальных границах” и тому подобные конструкции. Их переживают миросистемы» [Валлерстайн 2001. С. 77]. И еще, характерная деталь – критика марксову теорию об определяющей роли тех или иных производственных отношений в историческом процессе, Валлерстайн, тем не менее, связывает возникновение мировой системы, как наивысшей стадии исторического развития, с зарождением капитализма в «долгом XVI веке». Современные российские макросоциологи, не отрицая своих эволюционистских взглядов, подобно западным коллегам, связывают их со становлением глобальных связей. Это проявилось, в частности, в предложенной А.Н. Чумаковым периодизации исторического процесса, согласно которой мир развивается поступательно по трехчленной схеме: 1) эпоха фрагментарных событий (завершается 5 тыс. лет назад); 2) эпоха региональных событий (завершается в XV в.); 3) эпоха глобальных событий (завершается в середине XX в.) [Чумаков 2011. С. 166–167]. Чумакову вторят Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев [Гринин, Коротаев 2009; Гринин 2011. С. 80-94].

выраженной форме) наблюдается тенденция сближения этих двух подходов. Дальнейшее их сближение может оказаться весьма продуктивным. Каждый из упомянутых подходов, взятый по отдельности, на наш взгляд, недостаточен, но если попытаться объединить их по принципу взаимодополнительности⁸, можно сложить объемную и цельную картину исторического процесса, дать более убедительные ответы на вопросы, стоящие перед современными общественными науками. Поэтому мы постарались построить наше исследование на основе синергетического подхода, который объединяет как цивилизационные, так и макросоциологические номотетические методы исследования.

Для этого нами была предложена схема *стереопарного пространства*, сочетающего в себе одновременно цивилизационное и мир-системное измерения. Эта бинарная структура образует своего рода сингонию, сочетающую два скрещивающихся по вертикали и горизонтали разнохарактерных поля. При этом цивилизационное поле является матричным, корневым, а мир-системное – изменчивым, подвижным, эволюционирующим. Протекающие над поверхностью матричной цивилизации эволюционные волны изменений не затрагивают ее сути.

Мир-система может включать в себя две или несколько цивилизаций, объединенных в рамках общей мир-экономики⁹, т.е. в едином эко-

⁸ *Wilkinson* 1995. P. 46-74.

⁹ Используя терминологию мир-системников мы, тем не менее, вкладываем в нее несколько иной смысл, подобно тому, как сам Валлерстайн, Франк и др. вкладывали в терминологию Ф. Броделя свой смысл, отличный от броделевского. Так, по Валлерстайну, *мир-экономика (world-economy)* – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др. Однако в отличие от мир-системников первого поколения (Валлерстайн, Арриги, Франк), мы не считаем, что мир-экономика появилась лишь в эпоху капитализма. Некоторые из современных макросоциологов время возникновения Мир-Системы датируют девятым тысячелетием до Р.Х., связывая его с неолитической революцией [*Коротаяев* 2003; 2005; *Бондаренко* 2006, 2. С. 47–66]. Более того, сам термин «эпоха капитализма» нам кажется искусственным и некорректным. Так называемое капиталистическое производство существовало и в древности, причем, не только в Азии, но и в Европе. Об этом писал еще М.И. Ростовцев, который в своих обобщающих трудах по социально-экономической истории эллинизма и Рима, вслед за Эдуардом Майером, справедливо признавал существование в древности капитализма, предпринимчивой греческой и римской буржуазии, и даже пролетарских революций [См.: *Ростовцев* 1899; 1908; 1918; *Rostovtseff* 1910; 1926; 1927; 1938; 1926-27; 1941]. И хотя изложенная Ростовцевым общая концепция развития древних обществ долгое время считалась модернизаторской, поскольку противоречила не только марксистско-ленинской теории, но и устоявшимся представлениям западных антиковедов о природе эллинистического и древнеримского экономических укладов, на самом деле его подходы сегодня нам кажутся гораздо убедительней, нежели критика его оппонентов.

номическом пространстве, со своим центром, сверхгородом, полупериферией и периферией. При этом локальные, а в некоторых случаях и основные цивилизации, могут быть расколоты, так что одна их часть окажется в одной мир-системе, а вторая – в другой. В то же время, цивилизации и спаявшая их мир-экономика диспаратны (т.е. имеют сдвинутые контуры), интерферентны и хронологически могут не совпадать. Это объясняется тем, что субстанционально они отличаются – в основе мир-экономики лежат материальные, базисные явления, в то время как цивилизации определяются миром идей. История полна примеров, когда после крушения мир-экономики, некогда входившие в ее орбиту цивилизации, продолжали автономно существовать, порождая новую или втягиваясь в орбиту другой мир-экономики. Еще больше примеров того, как после гибели той или иной цивилизации, мир-экономика продолжала функционировать, правда, теперь, на основе новой цивилизации или цивилизаций, возникших на обломках прежней, погибшей.

Остается добавить, что зарождение новой цивилизации происходит по-разному. Одни, такие как египетская, китайская, месопотамская, крито-микенская, индская, месоамериканская и ряд других цивилизаций, не имеющие предшественников, возникают в результате внутренних флуктуаций. Другие цивилизации – фрактальные и возникают в результате бифуркации, разветвления матричной цивилизации и обретения дочерними цивилизациями новых качеств, в сочетании с фрактальными, образующими новую синкретическую цивилизацию или цивилизации. Ярким примером цивилизационной бифуркации является российская цивилизация, образовавшаяся на базе ортодоксальной византийской матричной цивилизации и перенявшая целый ряд фрактальных родовых качеств своей предшественницы¹⁰.

Мир-системы и межсистемные линии разлома

Между мир-экономиками издревле существовали линии разлома¹¹, имевшие, однако, трансляционные узлы (т.н. зоны контакта). Мы считаем неправомерным проводить линии разлома между цивилизациями, как это делает С.Ф. Хантингтон¹², точнее было бы их охарактери-

¹⁰ Так, согласно традиции, игумен одного из монастырей под Псковом – Филофей разработал теорию Третьего Рима, согласно которой Москва провозглашалась преемницей второго Рима – Константинополя. Подобным образом Цинская (маньчжурская) империя объявила себя правопреемницей своей предшественницы Минской империи, сделав Пекин своей столицей.

¹¹ Согласно Броделю, мирэкономика ограничена пределами, за которыми начинается другая мирэкономика, «вдоль некой линии или, вернее, некой зоны, пересекать которую как с той, так и с другой ее стороны бывало выгодно с экономической точки зрения лишь в исключительных случаях, для основной части торговли, и в обоих направлениях, «потеря на обмене превысила бы прибыль» [*Бродель* 2006. С. 24, 26. 4].

¹² *Huntington* 1993. С. 22-49.

зовать как разломы между мир-экономиками и, соответственно, между мир-системами, включающими в себя несколько цивилизаций. История полна примеров, когда части одного этноса, исповедующие одну или разные религии, оказавшись в разных мир-экономиках, по разные стороны линии разлома, превращались в непримиримых врагов и истребляли друг друга с невероятной жестокостью. Достаточно вспомнить войны Джучидов и Хулагуидов (ильханов). На первый взгляд, они могут показаться обычным междоусобным конфликтом внутри монгольской империи в XIII–XIV вв. за контроль над кавказскими и прикаспийскими территориями и особенно над проходящими по ним торговыми путями, однако, на самом деле – это типичный пример межсистемного столкновения на линии разлома между мир-экономиками.

Другой пример – войны между туркменскими племенными объединениями ак-коюнлу и кара-коюнлу. Оба произошли от единого корня (огузы), говорили на одном языке и исповедовали одну религию. Единственное их отличие заключалось в цвете папах и баранов, изображенных на знаменах¹³. Оказавшись в XIV в. по разные стороны Евфратского фронта, они начали борьбу за доминирование в регионе и истребляли друг друга, пока окончательно не обескровили себя и не сошли с исторической арены, уступив место происшедшим от тех же огузов кызыл-башам и османам, которые, подобно своим предшественникам, оказавшись по разные стороны Евфратского мир-системного разлома, также вели истребительные войны друг против друга, но теперь уже на протяжении нескольких столетий¹⁴. В то же время, как некогда туркоманы, кызыл-баши и османы давали значительные преференции христианам-армянам, проживавшим на подконтрольных им территориях, ведь именно на армянах держалась экономика обеих империй.

Еще один, не менее характерный пример являет русско-украинский разлом. Русские, украинцы и белорусы – родственные народы, говорящие на близкородственных языках, принадлежащие к единой конфессии и, по сути, являющиеся составными частями единой цивилизации. Однако, оказавшись по разные стороны разлома, не цивилизационного, а именно мир-системного, две части одной цивилизации вступили в противоборство, которое в наши дни перешло, пожалуй, в самую горячую фазу за всю свою историю. Этот разлом проходит приблизительно от северо-востока Приднепровья до Немана.

И наконец, последний пример – западная часть Армении. Искони населенная армянами, она включала в себя такие области, как Малая Армения, в римскую эпоху известные как Первая и Вторая Армения, а

¹³ На знаменах кара-коюнлу был изображен черный баран на белом поле, а на знаменах ак-коюнлу все было с точностью наоборот (Рыжов 2004).

¹⁴ Самые ожесточенные войны между Сефевидской державой и Османской империей происходили в XV – первой четверти XVI в.

также Высокую Армению, Тайк, Алдзник и Софену (Цопк). Эта территория оказалась на периферии одной мир-системы, в то время как большая часть Великой Армении оказалась в другой мир-системе, что привело к конфессиональному обособлению двух частей армянской нации. В некоторых областях Западной Армении преобладающим стал ортодоксальный халкидонизм (коренное армянское население этих областей со временем грецизировалось или огрузинилось), в то время как в Восточной Армении укреплялись позиции Армянской Апостольской церкви, противопоставившей себя халкидонской церкви и влиянию ромеев в целом. В 615 г. на Ктесифонском соборе Армянская Апостольская церковь при поддержке Сасанидов была объявлена главной среди восточных церквей, и все остальные церкви, в т.ч. некогда могущественная сирийская церковь, должны были признавать ее верховенство. Армения оказалась размежёвана на линии разлома двух мир-экономик, что предопределило судьбы страны и нации. Армяне были обречены играть медиационную роль между мир-системами. Когда же трансляционные узлы переставали функционировать (как это было, например, в период сельджукского нашествия и после него) или перемещались в другие регионы (как это произошло в период Великих географических открытий), привыкшая играть роль контактеров гибкая и подвижная часть армянства вынужденно покидала историческую родину и селилась в других мировых трансляционных узлах – Киликии, Венеции, Константинополе, Амстердаме, Калькутте, Мадрасе, Львове, Трапезунде, Ливорно, Крыму, Исфахане, Астрахани, Дербенте и т.д. Возможно, одна из причин того, что такая высокоразвитая, деятельная и, по большому счету, внутренне монолитная нация, как армяне, столь часто теряла свою государственность, состоит в том, что Армения с древнейших времен находилась на линии разлома двух мир-систем. Подобных примеров в истории – бесконечное множество.

Остается добавить, что линия разлома между мир-системами может быть достаточно обширной и занимать значительное пространство, поэтому в некоторых случаях их целесообразнее дефинировать не столько линиями, сколько зонами разлома. Такой зоной разлома может быть, например, территория между Евфратом и Тигром, а также территория многих известных в истории фронтиров.

В данной работе мы постараемся обозначить несколько базовых мир-систем и очертить линии разлома между ними, а также показать, какие цивилизации, вовлечены в эти мир-системы и мир-империи, и в какой мере границы матричных цивилизаций совпадают с границами мир-экономик, которые вкупе и составляют мир-систему.

Начнем с *евфратско-гндукушской мир-системы*. Начиная с мидийско-ахеменидского, а возможно, с урартийского периодов, эта мир-система включала в себя, по меньшей мере, три цивилизации – месопото-

тамскую (восточноеврейскую), армянскую и иранскую, которые почти всегда были составными частями единой мир-экономики. Границы мир-экономик подчас имеют размытую конфигурацию, но евфратско-гиндукушская мир-система отличалась весьма четкими границами. Южной ее границей неизменно был Персидский залив, северная граница проходила по Кавказскому хребту, западной границей был Евфрат, а восточной – Памир и Гиндукуш. Единая евфратско-гиндукушская мир-экономика сформировалась почти одновременно с левантийской и балканско-малоазийской мир-экономиками – в III тыс. до н.э.

Расположенная к западу от евфратско-гиндукушской *балканско-малоазийская мир-система* также пережила взлеты и падения разных цивилизаций и нескольких мир-экономик. С севера и юга, эта мир-система была ограничена Черным и Средиземным морями, на западе омывалась Адриатическим морем, на северо-западе ее граница проходила по Дунаю, Саве и Купе, а с восточной стороны порубежьем был Евфрат, Восточно-Понтийские горы и Сурамский хребет, т.е. территория, в древности называвшаяся Колхидой. Вплоть до конца XVIII в. частью этой мир-экономики (и мир-системы) был также Крым. Балканско-малоазийская мир-система также имеет тысячелетнюю историю. Малоазийская мир-система, скорее всего, зародилась в III тыс. до н.э., а возможно, и раньше. Ядро этой мир-системы находилось в центре Малой Азии, в Хаттушасе, а затем мировой город из центра Малой Азии переместился на периферию, на Запад, в Трою, ближе к Балканам. Бедная ресурсами, но имевшая сильный флот Балканская Греция еще с микенской эпохи стремилась колонизовать Малую Азию и Причерноморье, создав тем самым единую мир-экономику и, по сути, единую мир-систему, которая включала бы в себя территорию от Адриатики до Евфрата, от Антитавра до Крыма. Именно в результате взаимодействия малоазийской и греческой цивилизаций образовалась мир-система, которую мы назвали балканско-малоазийской, и которая, по сути, особенно после слияний двух мир-экономик, стала талассоцентристской.

Левантийская или восточно-средиземноморская мир-система охватывала территории южнее Антитавра (линия разлома проходила по Коммагене и Киликии) и распространялась вплоть до Набатеи на юге и Месопотамии – на востоке.

Конфликт между этими мир-системами имеет столь же древнюю историю, как и сами эти мир-системы. Самые первые примеры относятся к середине II тыс. до н.э.: речь о хеттско-ассирийских войнах. Уже тогда линия разлома находилась на стыке трех мир-систем и проходила по Евфрату и горам Тавра, где тогда существовало передовое и довольно сильное государство Митанни. На этой же территории происходили столкновения между ассирийцами и Северо-сирийским союзом городов-государств. Во второй половине VIII в. до н.э. в конфликт

вмешалось объединившее в своем составе все Армянское нагорье государство Урарту, а позднее он принял еще больший размах. Достаточно вспомнить мидийско-лидийские войны, закончившиеся битвой на реке Галис, после чего территория Каппадокии и Западной Армении отошли к Мидии¹⁵. После завоеваний Кира Великого Малая Азия полностью вошла в состав державы Ахеменидов, более того, персы чуть не захватили и Балканский полуостров. Однако в греко-персидских войнах эллины не только выстояли, но и задались целью вернуть под свой контроль Малую Азию и восстановить разломанную по Гелеспонту мир-систему. Это задача была осуществлена Александром Великим.

В основе всех этих конфликтов лежат не столько цивилизационные факторы, сколько экономические. Любопытно, что, согласно античной традиции, перед битвой при Гавгамелах Дарий III Кодоман прислал к Александру послов с предложением поделить свою державу: Александру предлагалось довольствоваться западной частью Ахеменидской державы, а граница между двумя империями должна была пройти по Евфрату [Plut. Alex.: 29, 4]. Александр отказался от предложения, так как мечтал о большем, но позднее, именно по обозначенному Дарием рубежу протянутся границы между Римом и Парфией, а позднее между Восточной Римской империей и державой Сасанидов, и затем между Халифатом и империей ромеев. Еще позднее по Евфрату проходила линия разлома между Османской империей и Сефевидским Ираном (Месопотамия, особенно Багдад, переходили из рук в руки, пока этот цветущий край не превратился в пустыню). Любопытно, что после падения Византии Османская империя совпала по территории с балканско-малоазийской мир-экономикой. Такие совпадения не могут быть случайными, ведь османы ничего общего не имеют ни с Византией, ни с предшествующими ей цивилизациями. Таким образом, они унаследовали не цивилизационные (говорить об османской цивилизации не приходится), а мир-системные наработки ромеев¹⁶.

¹⁵ Своего апогея Мидийская империя достигла при Астиаге (585–550 гг. до н.э.), который унаследовал от предшественников огромную, относительно централизованную державу (самую большую за всю предшествующую историю мира), с хорошо организованным государственным аппаратом, включая корпорацию государственных жрецов-магов. Большая часть присоединенных территорий перешла под прямую власть мидийского престола, ее разделили на наместничества-сатрапии; лишь немногие области (Армина, Персия и Элам) были оставлены на вассальном положении. В 613 г. до н.э. Киаксар изменил титул «царя Мидии» на «царя народов», выдвинув совершенно новую концепцию государства как мировой деспотии, где царская власть была принципиально неограниченна, универсальна, стояла над любыми национально-государственными традициями (включая традиции собственного народа) и претендовала на весь мир. Эту концепцию унаследовали Ахемениды.

¹⁶ Характерная деталь – османский султан Мехмет II после захвата Константинополя объявил себя преемником императора ромеев и принял титул Кайсар-и-

Точно так же, Пунические войны – это не столько столкновение цивилизаций, сколько борьба за доминирование двух средиземноморских мир-экономик. Появление нового мирового города – Рима стало импульсом для появления новой мир-системы – *западно-средиземноморской*, которая почти сразу вступила в борьбу за преобладание во всем Средиземноморском бассейне – вначале с Карфагеном, а затем на время подмяла под себя балканско-малоазийскую мир-экономику.

Особо оговоримся по поводу Рима, создавшего гигантскую империю, сочленившую в едином политическом и экономическом пространстве несколько основных и локальных цивилизаций. Вслед за большинством сторонников мир-системного подхода мы считаем, что Рим уместнее называть не столько мир-системой, сколько *мир-империей*, известной также под названием «Римский мир». В составе этой мир-империи продолжали существовать не только несколько локальных и основных цивилизаций, переживших империю, но и ряд мир-экономик. Не случайно, кроме самого Рима, в империи продолжали процветать и другие сверхгорода, такие как Александрия, Антиохия, Пергам, место которого, спустя некоторое время, займет Константинополь.

Мир-системы и мир-империи

Для осмысления феномена *мир-империя* (*world-empire*) нами были использованы некоторые концепты И. Валлерстайна, который еще в начале 1970-х гг. ввел в оборот это понятие и понятие *мир-экономика* (*world-economy*). *Мир-систему* (понятие разработано ранее Броделем), Валлерстайн определяет как общность «с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем. Отсюда логически следует, что могут существовать две разновидности такой мир-системы – с общей политической системой и без нее. Мы можем описать их, соответственно, как мир-империю и как мир-экономику»¹⁷. Согласно Валлерстайну, *мир-империи* состоят из нескольких локальных культур, присоединенных путем завоевания (например, Древний Египет, Древний Китай, Древний Рим, Россия эпохи крепостного права или Османская империя). Для мир-империй характерно преобладание сельскохозяйственного производства, наличие развитого военно-бюрократического правящего класса, перераспределительного способа производства. *Мир-экономики* – это часть мира или весь мир, который является единым экономическим целым, где именно экономика становится главной сферой общественной деятельности. Она представлена независимыми государствами-нациями с капиталистическим способом производства – Европа от Нового времени до наших дней, США, Япония и др.

Рум (Цезарь Рима), так же как некогда жители Восточной Римской империи называли себя ромеями, а свою страну – Βασιλεία τῶν Ῥωμαίων – царство римлян.

¹⁷ Валлерстайн 2001.

Мир-экономика имеет трехуровневую структуру. В ее *центре, или ядре (core)*, находятся высокоразвитые государства, доминирующие в экономических отношениях, извлекающие дополнительные прибыли из всемирного разделения труда, определяющие мировую политику (в современном мире – это высокоразвитые страны). *Ядро* состоит из нескольких государств, т.е. фактически социоисторических организмов. Но они не равноправны. Одно из них является гегемоном. История ядра – история борьбы за гегемонию между несколькими претендентами: победы одного из них, его господства над мир-экономикой и последующего его упадка. Но главное – отношения ядра и периферии. Суть их заключается в том, что государства ядра безвозмездно присваивают излишек, созданный в странах периферии. *Периферию* мир-экономики составляют страны, поставляющие сырье странам ядра и поэтому экономически и политически зависимые от последних. *Полупериферийные (semiperiphery)* страны единой мир-экономики занимают промежуточное положение между государствами ядра и периферии.

Разделяя в целом подходы Валлерстайна, мы, однако, не считаем мир-империи рхаическими образованиями, объединяющими несколько локальных культур, они могут быть гораздо сложнее и объединять также разные цивилизации, а в отдельных случаях и целые мир-экономики. При этом общим для всех мир-империй является стремление к экуменизму и мессианству. Мы выделяем три типа мир-империй – *самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный*.

Самодостаточные мир-империи имеют стабильную экономику, процветающую преимущественно за счет эксплуатации местных ресурсов и местных производительных сил. Типичные примеры – экономики Древнего Египта, Китая, Индии, Парфянской и Сасанидской держав, Византии, Империи Ацтеков и Инков. Для этих мир-империй характерно отсутствие заморских колоний, незначительная роль внешнеэксплуататорских форм, несистемное применение нерентабельного рабского труда. Основными производителями материальных благ в таких мир-экономиках практически всегда были свободные земледельцы и商во-ремесленное население крупных городов (хотя в отдельные эпохи удельный вес рабского труда мог возрастать, как и завоз из сопредельных территорий драгметаллов и стратегического сырья, необходимых для эффективного функционирования имперской экономики).

Для успешного функционирования самодостаточные империи типа Египетской или Китайской стремились не столько обогатиться за счет соседних недоразвитых народов, сколько вовлечь их в структуру своей иерархии. Согласно исследованиям А.М. Решетова¹⁸, так называемая дань состояла из продуктов местного производства и особой

¹⁸ Решетов 1982.

ценности в экономическом плане для Китая не представляла; она имела авантажное значение и преимущественно использовалась в ритуальных целях. К тому же ответные подарки со стороны китайских правителей в несколько раз превышали ценность поднесенной дани. Все это делалось для того, чтобы показать величие Китая и с помощью аванажных пожалований и всякого рода подачек обезопасить ядро империи и создать буферную зону вокруг своих границ. Такая форма взаимополезного сожительства, когда присутствие партнера становится обязательным условием существования каждого из них, обычно называется мутуализмом. В отличие от симбиоза, который часто бывает паразитическим и выгодным лишь одной из сторон, мутуализм строится на партнерских отношениях, хотя и не всегда паритетных.

Яркий образец мутуалистических отношений являет собой египтоцентричный мир эпохи Среднего и Нового царств, в который издревле были вовлечены нубийцы, создавшие на окраине Верхнего Египта свое царство по типу Египетского. Чтобы усмирить беспокойные нубийские и кушитские племена и обезопасить караванные пути, египетские фараоны совершали частые походы в земли страны Куш. Известно, что Аменхотеп I и его сын Сенусерт I (основатель новой XII династии) организовали карательные походы против Нубии и развернули строительство фортов и крепостей, своего рода фронта в долине Нила. На время египтяне даже установили свою власть над самой Нубией для того, чтобы выкачивать из ее рудников золото. Вместе с тем, для защиты границ своего царства фараоны стали привлекать кушитских вождей на юге и нумидийских на западе, посылая им щедрые подарки и выдавая за них замуж принцесс и дочерей своих вельмож. Так фараоны постепенно раздвигали границы этой древнейшей мир-системы, превращая южную и западную периферию в полупериферию.

После падения Среднего царства и в переходный период к Новому царству, Нубия вновь обрела независимость. Подражая египтянам, нубийские (эфиопские) вожди основали XXV династию, или династию «черных фараонов». Цари Куша перенесли свою резиденцию в город Напат, очень напоминавший египетский Мемфис, и установили культ Амона в святилище Джебель-Баркала, важнейшем религиозном центре страны, а также в храмах Седеинги и Солеба. Во времена господства фараонов, проникшиеся египетским духом кушитские принцы, теперь, осознав свою силу, двинулись завоевывать растерзанный Египет, который к тому времени уже был почти захвачен ассирийцами. Первым «черным фараоном» Египта стал Пианхи (751–716 гг. до н. э.). Он покорил ливийские княжества на севере Египта и объединил всю страну под своей властью. С него началась нубийская (эфиопская) династия¹⁹.

¹⁹ После смерти Пианхи почти полвека в Египте царила нубийская династия. Правда, следующему царю – Шабакке (716–701 гг. до н.э.) вновь пришлось покорять

Шаг за шагом завоевывая Египет, кушиты вскоре закрепились в Элефантине, Фивах, Файуме, Среднем Египте, Мемфисе и Дельте Нила. После чего чернокожие цари вступили в борьбу с Ассирией, которая продолжалась вплоть до падения самой Нубии.

Характерно, что после завоевания Египта нубийцами и смены династий жизненный алгоритм страны остался прежним. Ассимиляционные способности Египта были столь велики, что все завоеватели Египетского царства, будь то гиксосы или нубийцы, в течение одного-двух поколений египтизировались. Более того, именно при черных фараонах Египет вновь (правда в последний раз и лишь на несколько десятилетий) пережил расцвет. Чернокожие завоеватели оказались ревностными блюстителями веры Амона, восстановили в стране «исконные» порядки. Насаждая старое благочестие, они реставрировали праздники, бытовавшие в старину, отстраивали по всей стране заброшенные и пришедшие в упадок храмы. Вновь попытались ввести в обиход давно забытое иероглифическое письмо времен Древнего царства. Укрепили управление страной с опорой в основном на египетских чиновников и жрецов. Приверженность к египетской старине выдают также их тронные имена и титулы, давно позабытые в самом Египте.

Аналогичным образом стратегию взаимоотношений с соседними северными племенами строили китайские императоры. «Стратегия в китайском понимании – это не противоборство двух систем. По сути дела, это способ взаимодействия более совершенной общности с менее совершенными составляющими, лишь “среда” стратегического действия. Между системой и средой существует глубинная преемственность, и знание этой преемственности, предстающей на поверхности явлений как различие, прерывность, противостояние, есть стратегическое знание... Внешние проявления стратегии есть перевернутый образ ее действительного содержания. Здесь всякое действие свидетельствует о не-действовании, образы не выявляют, а скрывают реальность. Старинная китайская поговорка гласит: “Уход – лучшая стратегия”. Уйти – не значит проиграть. Соображения же репутации и престижа несущественны там, где речь идет о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить»²⁰. Мир, как считают китайцы, насколько он длится, состоит в первую очередь из этого постоянного «приходит – уходит»²¹. Следуя этим принципам китайские правители, даже когда у них было достаточно сил, избегали фронтальных столкно-

Египет. Зато отныне Шабака, как и его преемники – Шабатака (701–689 гг. до н.э.), Тахарка (689–663 гг. до н. э.), Танутамон (663–656 гг. до н.э.) – правили из Мемфиса.

²⁰ Китайская военная стратегия. С. 101.

²¹ Жюльен 2005. С. 69. Принципы «стратегии непрямых действий» были разработаны еще в V в. до н.э. Создателем этой модели геополитического противоборства считается полководец и военный теоретик Сунь-цзы. – *Сунь-цзы* 2003.

вений с кочевниками, предпочитая обходной маневр, косвенное воздействие и обеспечивая возможность взаимоперехода стратегического потенциала²². С целью обезопасить Срединное государство, они посылали вождям номадов щедрые дары, выдавали замуж за их вождей принцесс императорского дома (хотя чаще это были дочери императорских наложниц или другие девушки, с раннего детства воспитанные при дворе). Китайские правители включали часть «варваров» в сферу своего влияния и в синоцентристскую модель «мира»²³, не путем завоевания (для этого у Китая просто не было сил), а задабривая их, в расчете на позднейшее их подчинение, «перекраивание» и «переваривание» более высокой ханьской культурой²⁴. Используя разные стратегические технологии, Китай вовлекал в свою систему иерархии одних варваров, чтобы с их помощью защищать империю от других²⁵. По этому принципу строились взаимоотношения между Срединной империей и сяньбинцами²⁶. Даже в тех случаях, когда номадическим племенам удавалось прорвать многократно эшелонированную линию обороны и захватить центральные области Поднебесной, по сути ничего не менялось. Современники и потомки подобные события воспринимали всего лишь как смену декораций. А наступившую эпоху – периодом правления новой династии, которая все равно считалась китайской, хоть и иностранного происхождения. Через какое-то время иноземцы растворялись среди своих цивилизованных подданных, становясь еще большими ревнителями китайских традиций, нежели сами ханьцы²⁷.

Подобная гибкость (мягкое и слабое побеждает твердое и сильное) коренится в разработанной много веков назад китайскими историками-конфуцианцами синоцентристской концепции истории, согласно которой Китай является единственным государством в своем роде, главным в мире, и поэтому не может быть частью никакого другого государства. Все остальные страны рассматривались (и сегодня мало что изменилось) лишь как вассалы императора, вовлеченные в *Rax Sinica*, занимающие определенное место в иерархии синской цивилизации, либо как варварские, еще не включенные в синоцентристский мир. Китай не мог вести разговор на равных с каким бы то ни было иным государством, так как в мире была лишь одна империя – Срединная (Китай). Конечно,

²² Липина 1985. С. 112-114.

²³ О синоцентризме см.: Кроль 1973. С. 13-29; Карпатянц 2000.

²⁴ Такую тактику по отношению к кочевым соседям В.Н. Никифоров назвал «линией Ши Цзинтана», не без оснований считая, что несколько веков спустя она станет путевой для господствующих классов Китая (Никифоров 1977). Любые отклонения от традиционной стратегии обходного маневра и попытки перехода к любовой атаке приносили китайцам одни потери и разочарования.

²⁵ Lattimore 1940; Barfield 1992.

²⁶ Barfield 1981. P. 45-61.

²⁷ Bacon 1958.

со временем правителям Срединного государства становилось сложнее сохранять реалистичность этой парадигмы, многие вассалы записывались в таковые лишь формально или вовсе без их ведома. Но в целом империям удавалось поддерживать имперскую концепцию неизменной вплоть до поражения Цин в «опиумных» войнах, когда экономически более развитые страны Запада заставили ее переходить от международных отношений по типу данничества к договорным.

Хрестоматийной считается история становления японо-китайских отношений. Желая укрепить международный статус Японии путем достижения равноправных отношений с Китаем, принц Сётоку в 607 г. отправил второе посольство к династии Суй. Посол Оно-но Имоко привез китайскому императору письмо, начинавшееся с фразы *«Сын Неба [страны], где солнце всходит, пишет Сыну Неба [страны], где солнце заходит. Как ваши дела?..»*. В документе оба монарха определялись как равные, и китайская сторона, которая традиционно выстраивала отношения с другими странами на основе превосходства Китая, сочла использование японским правителем китайского титула «Сын Неба» возмутительным. Лишь потребность иметь союзников в войне с корейским государством Когурё заставила китайцев принять японскую делегацию. В 608 г. Сётоку отправил очередную делегацию в Суй, но, несмотря на прошлогодний инцидент, использовал для имени своего правителя новый нейтральный титул «Небесный монарх». В китайской столице его восприняли с удовольствием, как признание японцами своей вины и китайского верховенства, однако японская сторона расценила реакцию китайцев как признание равноправия между правителями их стран. Впоследствии этот титул превратился в часть имени японских монархов, которое переводится сегодня как «Император Японии».

Европейская политика в Китае была не столь гибкой. Характерный пример – попытка британского правительства получить от императора Цянь-луна (1711–1799) торговые преференции для британских предпринимателей. Главе отправленного правительством в 1793 г. тщательно подготовленного посольства к богдыхану лорду Дж. Макартни было предписано установить дипломатические отношения и посулами или угрозами добиться открытия для англичан Кантона и ряда других портов, права на свободное передвижение в Китае, а также учреждения британского представительства в китайской столице. В Старом Летнем дворце Макартни приняли как посла далекого и маленького «варварского» государства – очередного «данника» императора, а его подарки были восприняты как преподношение дани. От Тяньцзиня до Пекина их везли в лодках с надписями «Посольство с данью от английского короля». Эта дипломатическая миссия провалилась. Цинский император так и не принял главу посольства. Последнему был вручен адресованный Георгу III эдикт императора Цянь-луна, в котором говорилось:

Король, ты живешь за многими морями и, несмотря на это, снедаемый смиренным желанием приобщиться к благам нашей цивилизации, отправил к нам посольство, почтительно доставившее к нам твою записку... Я внимательно изучил твою записку; серьезный тон изложения свидетельствует о почтительном смирении с твоей стороны, что в высшей степени похвально... Что касается твоей просьбы послать одного из твоих подданных, чтобы он был поверенным при моем Небесном Дворе и осуществлял надзор за торговлей твоей страны с Китаем, то это ходатайство противоречит обычаям моих Отцов и не может быть удовлетворено... Хотя ты заявляешь, что благоговение перед нашими Небесными Отцами переполняет тебя желанием приобщиться к нашей цивилизации, к нашим правилам и законам, они столь отличаются от твоих собственных, что, даже если твоему послу удалось бы познать начатки нашей цивилизации, ты не смог бы перенести наши нравы и обычаи к себе на чужую почву. Как бы твой посол ни старался, из этого ничего не может получиться... Властвуя во всем мире, я преследую одну-единственную цель, а именно: безупречно осуществлять власть и исполнять долг перед государством. Диковинки и драгоценности меня не интересуют. Если я распорядился принять даннические дары, отправленные тобой, о, король, то исключительно из уважения к тому духу, который побудил тебя послать их из такой далекой страны. Величие наших Отцов не обошло ни одной земли под Небесами, и цари всех народов шлют по морю и по суше драгоценную дань. Как мог убедиться твой посол, у меня есть все. Я не ценю искусных и диковинных вещей и не буду пользоваться изделиями твоей страны.

Западные историки с насмешкой повествуют о незадачливом, оторванном от реальности богдыхане и его раболепных придворных, не признавших в талассократической Британской империи могущественную силу, стремящуюся посредством торговли подмять под себя экономику Китая и колонизовать страну. Однако все было не так просто. Политическая элита Китая отлично осознавала угрозу, исходившую от Британии, и прибегала к хитрым маневрам, чтобы избежать открытого конфликта и сохранить лицо в сложной политической игре, где расклад сил был не в пользу Поднебесной²⁸.

Таким образом, египтоцентристские и синоцентристские мир-империи являются своего рода алгоритмом оформления единой и цельной матричной цивилизации, ее апогеем, а также механизмом сотрудничества военному и культурному натиску извне²⁹.

К *милитаристско-паразитирующему* типу, пожалуй, следует отнести Ассирийскую и Римскую державы, Спарту, Османскую империю, Империю испанских Габсбургов и ряд Евразийских кочевых империй. В них получили развитие внешнеэксплуататорские отношения, иначе говоря, получение прибавочного продукта извне: данничество, контрибуция, коррупция, неэквивалентная торговля, разграбление и эксплуатация колоний, системное рабовладельческое производство и другие внешние субсидии. Характерная деталь: в милитаристских им-

²⁸ Мартынов 1979. С. 27-39; Мартынов 1981. С. 3-12.

²⁹ Пиков 2010. С. 19.

периях эпика строится не вокруг культурных героев, а вокруг лидеров-харизматиков, тех, кто добывали богатства, а не создавали их.

Следует различать два типа милитаристско-паразитических мир-империй – цивилизованные и варварские. К цивилизованным относятся Ассирийская держава, империя Александра Великого, Римская и др. империи. К варварским исследователи относят преимущественно «кочевые» империи³⁰, существовавшие за счет своеобразного массового рэкета: данничества (выход), вымогания (подарков), похищения и продажи живого товара, в первую очередь детей, и открытых грабежей.

В милитаристско-паразитических мир-империях, будь то кочевые, «варварские», или оседлые, цивилизованные, ядро более развито в политическом и военном отношении, в то время как периферия – в социально-экономическом плане и потому поначалу богаче ядра. Но со временем паразитирующее за счет периферии ядро меняется. Так, например, хаотично застроенный, пыльный и полунищий Рим времен республики, где дома патрициев не слишком отличались от лачуг плебеев, стремительно богатеет в эпоху принципата и превращается в Мировой город, поражающий своим величием, красотой и размахом. Однако паразитирующие за счет ограбления провинций милитаристские империи, в терминах Ибн-Хальдуна, теряют свою *асабию*³¹ и вступают в фазу обскурации, становясь уязвимыми для новых пассионариев. Будучи не в состоянии защитить себя от давления варваров, империи вынуждены прибегать к испытанной стратегии: разными способами вовлекать в свою иерархию одних варваров, дабы они защищали границы империи от других. Как следствие, взаимоотношения между империей и варварами начинают строиться по принципу *quid pro quo*. Достаточно вспомнить взаимоотношения Хеттской империи с Хайасой, высокогорной страной, с суровым климатом и бедной почвой, искони населенной беспокойными племенами хайев-армян. По мере усиления Хайасского племенного союза и трансформации его в агрессивное государственное образование, или вожжество (*chiefdom*), хеттские цари Муршилис и Суппилулиумас были вынуждены откупаться от хайасских царьков-харизматиков Ании, Хукканаса и др. щедрыми «дарами» и выдавать за них своих дочерей. Аналогичным образом поступали римляне с местными вождями в Подунавье, в прирейнских землях и в Британии.

³⁰ Крадин 2000. С. 315.

³¹ Ибн-Хальдун, пожалуй, первым указал на то, что самообновление цивилизации происходит под благотворным воздействием периферии. Впрочем, с периферии приходит и гибель цивилизации, что, по Ибн-Хальдуну, тоже является благом, если цивилизация утратила креативное начало и способность к самовоспроизводству. Погибшая цивилизация может удобрить почву для зарождения новой цивилизации [Ибн Халдун 1990]. О цивилизационной теории Ибн-Хальдуна см.: Сорokin 1992. С. 176; Бацшева 1965. С. 117; Смирнов 2008. С. 159–186; Mahdi 1957; Григорян 1960; Григорян 1966; Кирабаев 1987; Фролова 1995; Irwin 1997. С. 461–479.

К смешанному типу империй следует отнести Ахеменидскую, Британскую и Российскую империи, США и ряд других. Все они в разной мере совмещают в себе характеристики самодостаточных и милитаристско-паразитирующих империй.

Особое место среди мир-империй занимают *кочевые или бивуачные мир-империи*. Наиболее характерные примеры бродячих бивуачных империй – держава Александра Великого, империя Хунну времен шаньюя Модэ (Маодун)³², варварская империя Аттилы³³, кочевое государство исянь-бийцев времен Таньшихуайя, каганаты VIII-X вв., Сельджукская империя XI в., империя киданей времен Абаоци и его жены неистойой Шаолюнь (IX–X вв.), монгольская империя Чингисхана. Мы не разделяем примененное Тойнби к такого рода кочевым сообществам обозначение *кочевая цивилизация*, оно не совсем точно отражает суть явлений; речь, скорее, должна идти именно о *кочевых мир-империях*, а в некоторых случаях – об *империях-армиях*.

Кочевые империи во многом сходны со стационарными, или, как их принято называть, *классическими*, а в ряде случаев – *земледельческими империями*. Но кочевые мир-империи имеют свои особенности: в отличие от стационарных империй, подвижные империи не имеют мирового города. Такие сообщества, будь то кочевые империи или империи-армии, образуются вокруг харизматических личностей и живут по древнему закону: «Империя там, где ее император!». Другим условием существования таких империй является непрерывное движение, кинетика. С остановкой движения кочевые империи, как и империи-армии, перестают существовать, либо трансформируются в стационарные империи, став частью древних мир-систем. Так, империя-армия Александра Великого, по сути, умерла вместе с ним. На обломках созданной им сверхдержавы возникло три империи, и все три стационарные. Это относится к таким эллинистическим державам, как Селевкидское царство, царство Птолемеев и царство Антигонидов на Балканах. Аналогичную империю-армию, оторванную от метрополии и действующую автономно, создал и Ганнибал. Он практически не получал поддержки от Карфагена, ни материальной, ни человеческими ресурсами. Армия Ганнибала кормила себя сама и пополняла свои ряды за счет наемников и союзников, которых Ганнибал находил среди врагов Рима. Однако его империя, державшаяся исключительно на таланте и харизме великого полководца, перестала существовать еще до его смерти. При-

³² Maenchen-Helfen 1973; Кычанов 2004. С. 631.

³³ Показательна в этом плане характеристика Н.Н. Крадиным империи Хунну: «На самом деле Хуннская империя была в сущности “племенной империей”, в которой новые военно-иерархические отношения не только не сменили сложную систему клановоплеменной генеалогии номадов, а сосуществовали и переплетались с ней» [Крадин 2002. С. 192].

чиной стало его единственное поражение в битве у Замы. Лидеры-харизматики не имеют право на поражение. В отличие от армий стационарных империй, подобно Антею, после каждой неудачи черпающих силу из родной земли, солдаты армии-империи не имеют родины и силу получают из совсем других источников. Само же поражение Ганнибала было вызвано остановкой военных действий его армии на территории врага и возвратом в Карфаген. В жестокой борьбе с Римом пала и *империя-флот* под командованием Секста Помпея. Возникшее в Киликии и Сицилии каперское государство почти столетие противостояло экспансии Рима в Средиземноморском бассейне³⁴. Сходная судьба была у создателя другой империи-армии – Джелал эд-Дина, который вел войну с другой империей-армией, кочевой державой Чингис-хана.

Вместе с тем, кочевые и стационарные империи всегда были взаимосвязаны, точно так же как были взаимообусловлены протекающие в них процессы. Трудно не согласиться с замечанием Н.Н. Крадина о взаимосвязи классических империй и номадов:

Степень централизации кочевников прямо пропорциональна величине соседней земледельческой цивилизации. С точки зрения мир-системного подхода кочевники всегда занимали место “полупериферии”, которая объединяла в единое пространство различные региональные экономики (локальные цивилизации, “мир-империи”). В каждой локальной региональной зоне политическая структурированность кочевой “полупериферии” была прямо пропорциональна размерам “ядра”. Кочевники Северной Африки и Передней Азии для того, чтобы торговать с оазисами или нападать на них, объединялись в племенные конфедерации или вождества; номады Восточноевропейских степей, существовавшие на окраинах античных государств Византии и Руси, создавали “квазиимперские” государствовподобные структуры, а в Центральной Азии, например, таким средством адаптации стала “кочевая империя”... Прослеживается синхронность процессов роста и упадка земледельческих “мир-империй” степной “полупериферии”. Империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия. Тюркский каганат возник как раз в то время, когда Китай был объединен под властью династий Суй, а затем Тан. Аналогичным образом Степь и Китай вступали в периоды анархии в пределах небольшого промежутка времени один за другим. Когда в Китае начинались смуты и экономический кризис, система дистанционной эксплуатации кочевников переставала работать, и имперская конфедерация разваливалась на отдельные племена до тех пор, пока не восстанавливались мир и порядок на юге»³⁵.

Таким образом, паразитирующие империи не могут существовать без империи-доната, каковой на протяжении тысячелетий для большинства тюркских кочевых империй был Китай, точно так, как процветание хищных Средиземноморских государств древности в первом тысячелетии до н.э. было невозможно без ограбления предэллинистических и эллинистических государств Передней Азии.

³⁴ Подробнее об этом см.: *Маргарян* 2015. С. 5–91.

³⁵ *Крадин* 2000. С. 319.

Подведем итоги:

- Мир-системы и цивилизации могут жить самостоятельной жизнью, сосуществуя во времени и пространстве.
- Цивилизация – матричное поле и имеет духовную подоснову. Будучи явлением корневым, цивилизация является своего рода константой бытия, существование же мир-системы обусловлено прежде всего изменчивыми социально-экономическими факторами.
- На протяжении тысячелетий границы таких мир-систем, как индо-станская, тибетская, синоцентрическая, центрально-азиатская, оставались практически неизменными.
- Между мир-системами существуют линии разлома, иногда четко очерченные, иногда же расплывчатые и подвижные. На этих линиях разлома происходят столкновения между мир-экономиками, но не между цивилизациями.
- В то же время на пограничье мир-систем имеются трансляционные узлы, или контактные зоны, вдоль которых селились или традиционно проживали группы людей или целые этносы, обеспечивающие посредническую между мир-экономиками и мир-империями.
- Мир-системы и цивилизации могут насильственно объединяться в гиперсистемы – мир-империи, среди которых выделяются три типа – самодостаточный, милитаристско-паразитирующий и смешанный.
- Среди милитаристско-паразитирующих империй можно выделить стационарные и кочевые или бивуачные; последние на начальном этапе – это империи-армии, которые существуют только в движении. Остановка движения приводит либо к гибели империи-армии, либо к трансформации в одну или чаще в несколько стационарных империй, как правило, тоже милитаристско-паразитирующих.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Ибн Халду́н.* Книга назиданий и сборник начал и сообщений о деяниях арабов, персов и берберов и тех, кто были их современниками из числа носителей высшей власти / пер. Л.Е. Куббеля // История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах / Изд. 2, испр. и доп. Т. II; пер. С.П. Маркиша, обработ. С.С. Аверинцева, прим. М.Л. Гаспарова; М.: Наука, 1994.
- Сунь-цзы.* Трактаты о военном искусстве // Сунь-цзы, У-цзы / пер. с кит., предисл. и коммент. Н.И. Конрада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 2003. 558 с.

Литература

- Баицева С.М.* Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М.: Наука, 1965.
- Бондаренко Е.С.* Информационное поле неолита Ближнего Востока // История и современность. М.: 2006, 2. С. 47–66.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. / 2-е изд., вступ. ст. и ред. Ю.Н.Афанасьева: в 3 тт. Т. 3. М.: Весь мир, 2006.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001.
- Григорян С.* Средневековая философия народов Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966.

- Григорян С. Великие мыслители стран Арабского Востока. М.: Знание, 1960.
- Гришин Л.Е. История глобализации: мир-системный анализ // Век глобализации. 2011. 1 (7).
- Гришин Л.Е., Коротаев А.В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // Восток. 2012. № 3. С. 5-19.
- Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить». М., 2005.
- Ивин А. Философия истории. М.: Гардарики, 2000.
- История Османского государства, общества и цивилизации: В 2-х т. / Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA); под ред. Э. Исханоглу, М.С. Мейера; пер. с тур. В.Б. Феоновой. М.: Восточная литература, 2006.
- Карпетянц А.М. Китайская цивилизация как альтернатива средиземноморской // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
- Кирабаев И. Социальная философия мусульманского Востока. М.: Изд-во УДН, 1987.
- Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. В.В. Малявина. М.: Астрель; АСТ, 2002. 432 с.
- Колобов О.А., Шамин И.В. Базовые принципы китайской стратегической культуры осуществления геополитического противоборства на межгосударственном уровне // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 312-321.
- Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература, 2003, 283 с.
- Коротаев А.В. Ближневосточный мир в мировой цивилизации (X-I тыс. до н.э.) // Исторические источники Евроазиатских и Северо-Африканских цивилизаций. М.: Институт востоковедения РАН, 2005.
- Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. Колл. монограф. / Под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши. М.: Логос, 2000.
- Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2001-2002. 312 с.
- Кроль Ю.Л. О концепции «Китай-варвары» // Китай: общество и государство. М., 1973. С. 13-29.
- Кычанов Е.И. Властители Азии. М.: Восточная литература, 2004.
- Лалина З.Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М.: Наука, 1985. 388 с.
- Маргарян Е.Г. «Деколониальный поворот» в современном историческом сознании. «Что там за поворотом?» // Сб. ст. Материалы 2-ой японоведческой междунаrodn. научно-практической конференции: «Ех Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму» / РАУ. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 5-13.
- Маргарян Е.Г. Современные номотетические подходы к анализу динамики всемирной истории «переОРИЕНТация» или «ориентализация» исторического сознания? // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 173-194.
- Маргарян Е.Г. Восточно-средиземноморский фронтир в контексте трансформационных процессов в эпоху перехода от республики к принципату // Сб. науч. статей международной научно-практической конференции «Трансформационные процессы в эпоху Принципата. Включение Рима в осевое время». Ереван: Вестник РАУ, 2015. С. 5-91.
- Маргарян Е.Г. Поднебесная как мир-империя: особенности и средотвѣ с другими мир-империями древности и нового времени // Сборник научных статей. По материалам 2-ой международной научно-практической конференции «Конфуцианские чтения» (26-27 апреля 2016 г.) / РАУ. Ереван: Изд-во РАУ, 2016. С. 15-27.
- Мартынов А.С. Значение приезда послов в императорском Китае // НАА. 1979. № 1. С. 27-39.
- Мартынов А.С. О различных подходах к проблеме взаимоотношения императорского Китая с внешним миром // XII НКОГК. 1981. Ч. 1. С. 3-12.
- Муравьев А. Сирийская цивилизация: история медиация // Полит.ру. 12 апреля, 2013. URL: <http://archive.is/UqRBs>

- Муравьев А. Сирийская субцивилизация «моста» // КАТЕХОН. Аналитический центр Катехон. Геополитика и Традиция. 2016. URL: <http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная История. М.: Наука, 1977.
- Пиков Г.Г. О «кочевой цивилизации» и «кочевой империи». Статья вторая: «Кочевая империя» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1.
- Решетов А.М. Этнографические и исторические параллели к объяснению истоков и характера дань китайцев // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1982.
- Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). С. Петербург, 1899.
- Ростовцев М.И. Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. С. Петербург, 1908.
- Ростовцев М.И. Рождение римской империи. С. Петербург, 1918.
- Рыжов К.В. Все монархи мира. Мусульманский Восток VII–XV вв. М.: Вече, 2004. 544 с.
- Смирнов А.В. Ибн Халдун и его «новая наука» // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
- Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protseesse-legitimatcii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSfD>
- Фролова Е. История средневековой арабо-исламской философии. М.: ИФ РАН, 1995. 175 с.
- Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. 2-е изд. М.: Проспект, 2011.
- Vascon E. Obok. A Study of Social Structure of Eurasia. N.Y., 1958.
- Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. № 1. P. 45-61.
- Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. Cambridge: Blackwell (First published in 1989), 1992
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3, pp. 22-49 / Пер. на рус. яз. подготовлен журналом «Полис», № 1, 1994. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
- Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y.-L., 1940.
- Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Los Angeles and London, 1973.
- Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.
- Margaryan E. Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics // From Christianisations and Islamisations to (Hétéro)Europeanisations: Transformation of cultural-historical heritage on the European margins. Sofia, 2016, March 31 – April 2.
- Rostovtseff M. A history of the ancient world. Vol. 1-2. Oxford, 1926-27.
- Rostovtseff M. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938.
- Rostovtseff M. Mystic Italy. N.Y., 1927.
- Rostovtseff M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the hellenistic world. 3 vs. Oxford, 1941.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926.
- Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origins and Perspective of World Systems. Montreal, 1975.
- Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc. Paris, 1979.
- Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of nineteenth Century Paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.
- Wilkinson D. Central civilization // Civilizations and world systems; studying world historical change. Altamira, Walnut Creek, California, USA. 1995. P. 46-74.
- Wilkinson D. Civilizations are world systems! // Comparative Civilizations Review. 1994. № 30. P. 59-71.

REFERENCES

- Batsieva S.M. Istoriko-sotsiologicheskii traktat Ibn Khalduna «Mukaddima». M., 1965.
- Bondarenko E.S. Informatsionnoe pole neolita Blizhnego Vostoka // Istoriya i sovremennost'. M.: 2006, 2. S. 47–66.
- Brodell F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. 2-e izd. / vstup. st. i red. Yu.N.Afanasyeva: v 3 tt. T. 3. M.: Ves' mir, 2006.
- Vallerstein I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. SPb., 2001.
- Grigoryan S. Srednevekovaya filosofiya narodov Blizhnego i Srednego Vostoka. M., 1966.
- Grigoryan S. Velikie mysliteli stran Arabskogo Vostoka. M.: Znanie, 1960.
- Grinin L.E. Istoriya globalizatsii: mir-sistemnyi analiz // Vek globalizatsii. 2011. 1 (7).
- Grinin L.E., Korotaev A.V. Sotsial'naya makroevolyutsiya: Genezis i transformatsii Mir-Sistemy. M.: LIBROKOM, 2009.
- Dmitriev S.V., Kuz'min S.L. Chto takoe Kitai? Sredinnoe gosudarstvo v istoricheskom mife i real'noi politike // Vostok. 2012. № 3. S. 5-19.
- Zhyul'en F. O «vremeni». Elementy filosofii «zhit'». M., 2005.
- Ivin A. Filosofiya istorii. M.: Gardariki, 2000.
- Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii: V 2-kh t. / Issled. tsentr islamskoi istorii, iskusstva i kul'tury (IRCICA); pod red. E. Iskhanoglu, M.S. Meiera; M., 2006.
- Karapetyants A.M. Kitaiskaya tsivilizatsiya kak al'ternativa sredizemnomorskoi // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 1.
- Kirabaev I. Sotsial'naya filosofiya musul'manskogo Vostoka. M.: Izd-vo UDN, 1987.
- Kitaiskaya voennaya strategiya / Sost., per., vstup. st. i komment. V.V. Malyavina. M., 2002.
- Kolobov O.A., Shamin I.V. Bazovye printsipy kitaiskoi strategicheskoi kul'tury oshchestvleniya geopoliticheskogo protivoborstva na mezhdunarstvennom urovne // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2011. № 1. S. 312-321.
- Korotaev A.V. Sotsial'naya evolyutsiya: faktory, zakonovernosti, tendentsii. M., 2003. 283 s.
- Korotaev A.V. Blizhnévostochnyi mir v mirovoi tsivilizatsii (X-I tys. do n.e.) // Istoricheskie istochniki Evroaziatskikh i Severo-Afrikanskikh tsivilizatsii. M.: IV RAN, 2005.
- Kradin N.N. Kochevniki, mir-imperii i sotsial'naya evolyutsiya // Al'ternativnye puti k tsivilizatsii. Koll. monograf. / Pod red. N.N. Kradina, A.V. Korotaeva, D.M. Bondarenko, V.A. Lynshi. M.: Logos, 2000.
- Kradin N.N. Imperiya Khunnu. Izd. 2-e, pererab. i dop. M.: Logos, 2001-2002. 312 s.
- Krol' Yu.L. O kontseptsii «Kitai-varvary» // Kitai: obshchestvo i gosudarstvo. M., 1973. С. 13-29.
- Kychanov E.I. Vlastiteli Azii. M.: Vostochnaya literatura, 2004.
- Lapina Z.G. Uchenie ob upravlenii gosudarstvom v srednevekovom Kitae. M., 1985. 388 s.
- Margaryan E.G. «Dekolonialnyi povorot» v sovremennom istoricheskom soznanii. «Chto tam za povorotom?» // Sb. st. Materialy 2-oi yaponovedcheskoi mezhduna-rodn. nauchno-prakticheskoi konferentsii: «Ex Orient Lux. Izmenenie mirovoz-zrencheskoi paradigmy ot evropotsentrizma k universalizmu» / RAU. Erevan: Izd-vo RAU, 2016. S. 5-13.
- Margaryan E.G. Sovremennye nomoteticheskie podkhody k analizu dinamiki vseмирnoi istorii «pereORIENTatsiya» ili «orientalizatsiya» istoricheskogo soznaniya? // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 173-194.
- Margaryan E.G. Vostochno-sredizemnomorskii frontir v kontekste transformatsionnykh protsessov v epokhu perekhoda ot respubliki k printsipatu // Sb. nauch. statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Transformatsionnye pro-tsessy v epokhu Printsipata. Vklyuchenie Rima v osevoe vremya». Erevan: Vestnik RAU, 2015. S. 5–91.
- Margaryan E.G. Podnebesnaya kak mir-imperiya: osobennosti i srodstvo s drugimi mir-imperiymi drevnosti i novogo vremeni // Sbornik nauchnykh statei. Po ma-terialam 2-oi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Konfutsian-skie chteniya» (26-27 aprelya 2016 g.) / RAU. Erevan: Izd-vo RAU, 2016. S. 15-27.
- Martynov A.S. Znachenie priezda poslov v imperatorskom Kitae // NAA. 1979. № 1. S. 27-39.
- Martynov A.S. O razlichnykh podkhodakh k probleme vzaimootnosheniya imperatorsko-go Kitaya s vneshnim mirom // XII NKOOGK. 1981. Ch. 1. S. 3-12.
- Murav'ev A. Siriiskaya tsivilizatsiya: istoriya mediatsiya // Polit.ru. 12 aprelya, 2013. URL: <http://archive.is/UqRBs>

- Murav'ev A. Siriiskaya subtsivilizatsiya «mosta» // KATEHON. Analiticheskii tsentr Katehon. Geopolitika i Traditsiya. 2016. URL: <http://katehon.com/ru/article/siriyskaya-subcivilizaciya-mosta>
- Nikiforov V.N. Vostok i vseмирnaya Istoriya. M.: Nauka, 1977.
- Pikov G.G. O «kochevoi tsivilizatsii» i «kochevoi imperii». Stat'ya vtoraya: «Kochevaya imperiya» // Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2010. T. 9, vyp. 1.
- Reshetov A.M. Etnograficheskie i istoricheskie paralleli k ob'yasneniyu istokov i kharaktera dani u kitaitsev // XIII nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae». Ch. 2. M., 1982.
- Rostovtsev M.I. Istoriya gosudarstvennogo otkupa v Rimskoi imperii (ot Avgusta do Diokletiana). S. Peterburg, 1899.
- Rostovtsev M.I. Ellinisticheskoro-rimskii arkhitekturnyi peizazh. S. Peterburg, 1908.
- Rostovtsev M.I. Rozhdenie rimskoi imperii. S. Peterburg, 1918.
- Ryzhov K.V. Vse monarkhi mira. Musul'manskii Vostok VII–XV vv. M.: Veche, 2004. 544 s.
- Smirnov A.V. Ibn Khaldun i ego «novaya nauka» // Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2007. M.: Nauka, 2008.
- Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo / red., sost. i predisl. A.Yu. Sogomonov; per. s angl. M.: Politizdat, 1992.
- Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii / Per. s angl. E.D. Zharkova. M.: Rol'f, 2001. 640 s.
- Flier A. Tsivilizatsiya i subtsivilizatsii Rossii // Obshchestvennyye nauki i sovremen-nost'. 1993. № 6. URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-ortodoksii-i-geterodoksii-v-protsesse-legitimatitsii-sotsialnogo-poryadka#ixzz46YXYaSiD>
- Frolova E. Istoriya srednevekovoi arabo-islamskoi filosofii. M.: IF RAN, 1995. 175 s.
- Chumakov A.N. Globalizatsiya. Kontury tselostnogo mira. 2-e izd. M.: Prospekt, 2011.
- Bacon E. Obok. A Study of Social Structure of Eurasia. N.Y., 1958.
- Barfield T. The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy // Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. № 1. P. 45-61.
- Barfield T. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 VS to AD 1757. Cambridge: Blackwell (First published in 1989), 1992
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3, pp. 22-49 / «Polis», № 1, 1994. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
- Irwin R. Toynbee and Ibn Khaldun. Middle Eastern Studies. Iss. 33, 1997.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. N. Y.-L., 1940.
- Maenchen-Helfen O. The World of the Huns. Los Angeles and London, 1973.
- Mahdi M. Ibn Khaldun's philosophy of history. London: Allen & Unwin, 1957.
- Margaryan E. Contemporary nomothetic approaches to the analysis of world history dynamics // From Christianiserions and Islamisations to (Hétéro)Europeanisations: Transformation of cultural-historical heritage on the European margins. Sofia, 2016, March 31 – April 2.
- Rostovtseff M. A history of the ancient world. Vol. 1-2. Oxford, 1926-27.
- Rostovtseff M. Dura-Europos and its art. Oxford, 1938.
- Rostovtseff M. Mystic Italy. N.Y., 1927.
- Rostovtseff M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the hellenistic world. 3 vs. Oxford, 1941.
- Rostovtseff M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926.
- Wallerstein I. The Present State of the Debate on World Inequality // World Inequality. Origins and Perspective of World Systems. Montreal, 1975.
- Wallerstein I. World-System Perspective on the Social Sciences // Wallerstein I. The Capitalist World-System. Essays. Cambridge etc. Paris, 1979.
- Wallerstein I. Unthinking Social Science: The Limits of nineteenth Century Paradigms. Cambridge: Polity press, 1991.
- Wilkinson D. Central civilization // Civilizations and world systems; studying world historical change. Altamira, Walnut Greek, California, USA. 1995. P. 46-74.
- Wilkinson D. Civilizations are world systems! // Comparatitive Civilizations Review. 1994. № 30. P. 59-71.

Маргарян Ерванд Грантович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всемирной истории и зарубежного регионоведения Российско-Армянского (Славянского) университета; ведущий научный сотрудник Института истории НАНА; margar.erv@mail.ru

At the crossroads of the ancient world-systems: a prolegomenon

The article deals with relation of such concepts as the world-system and civilization, each of whom lives an independent life, co-existing in time and space. Civilization is the matrix field and has a spiritual subbase. As a phenomenon of root, civilization is a kind of constant existence of the world-system is mainly due to socio-economic factors. Between the world-system, there is a fault line, where there are conflicts and clashes. At the same time, on the border-world systems are components of transmitters, or contact zones, along which traditionally settled or lived a group of people or entire ethnic groups that provide mediation, mediation role between the economies of the world-and the world-empires. World-systems and civilizations are forced to unite in hyper – a world-empire, among which are – self-sufficient, militarist-parasitic, and mixed types. Militarist empire-parasites can be fixed and nomadic. Nomadic or bivouac empire – an empire-the army, which exist only in movement. Stopping leads either to the death of the empire-the army, or in the transformation of one or several stationary most empires usually too militarist-parasitic.

Keywords: *world-system, civilization, stereo pair design fault, frontier, contact area, translational unit, world empire, empire-army.*

Yervand Margaryan, Sc. Dr. (History), Associate Professor, Head of the Department of World History and Area Studies Abroad of the Institute for Human Sciences RAU; Leading Researcher of Institute of History NA, margar.erv@mail.ru